Микрофонные материалы управления местного вещания ВРК

Комсомол московского метро

Альманах
для художественного чтения
по радио

Составил
Е. А. Долматовский

Государственное издательство по вопросам радио
Москва 1935 г.

Микрофонные материалы управления местного вещания ВРК

Комсомол московского метро

Альманах
для художественного чтения
по радио

Составил
Е. А. Долматовский

Государственное издательство по вопросам радио
Москва 1935 г.

Уполн. Главлита № Б—3311. Ответ. редактор З. ЧАЛАЯ

1-я газ. тип. Мособлполиграфа, ул. Горького, 48. З. Т. № 1475. Тир. 500.

КОМСОМОЛ МОСКОВСКОГО МЕТРО

В июне 1931 г. пленум ЦК партии решил: «Немедленно приступить к подготовительной работе по сооружению метрополитена в Москве, как главного средства, разрешающего проблему быстрых и дешевых людских перевозок, с тем, чтобы в 1932 г. уже начать строительство метрополитена».

Смелое, трудное дело было предпринято страной.

Вождь московских большевиков Лазарь Моисеевич Каганович с самого начала вдохнул в него великий социалистический идеал.

«Метрополитен мы должны построить так, чтобы человеку, который будет пользоваться метро, было удобно, чтобы станции и вагоны были сооружены удобно, просто и красиво. Социалистический идеал строительства заключается именно в том, чтобы во всем преследовалась одна основная цель, чтобы миллионы трудящихся, которые веками относились богатеями к низшему классу людей, чтобы эти миллионы трудящихся везде и всюду — в доме, квартире, театре, в метрополитене — чувствовали себя равноправными, могли удобно и свободно передвигаться, пользоваться всеми удобствами. Этого мы добьемся и в строительстве метрополитена», — сказал товарищ Каганович.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ

И вот, 10 декабря 1931 г. во дворе небольшой бакалейной лавченки на Русаковке собралась группа людей.

— Здесь и роем? — спросил бригадир Кузнецов, указывая на размеченный колышками квадрат.

— Здесь и роем, — ответил инженер Стрельбицкий.

Кузнецов снял рукавицы, поправил пояс и взял лопату.

Снег был неглубокий, и вскоре показалась мерзлая поверхность земли.

— Давай кувалду, — скомандовал Кузнецов.

Младший Блинов подал бригадиру кувалду, а сам взялся за железный ломик.

Сначала одна дырка, за ней — другая, третья...

Кузнецов сменил кувалду на лом, и скоро первая глыба земли лежала на снегу.

Первая метростроевская выемка в несколько десятков сантиметров глубиной открылась равнодушным взорам первых проходчиков и первых инженеров.

Момент этот не был бы ничем отмечен в напряженных буднях Метростроя, но обыденность этого дня нарушил тов. Каганович.

К участку подъехали две машины. Приехали тов. Каганович и тов. Булганин. На участке тов. Кагановича узнали сразу. На минуту прекратили работу. Эта минута придала вдруг огромную значительность тому делу, которое было начато. Все поняли, что яма — начало метро.

Лазарь Моисеевич долго наблюдал за ходом работы. В это время подъехали Роттерт и Шмидт.

— А не завалит вас там? — спросил тов. Каганович.

Инженер стал объяснять ему систему крепления.

— Ну, смотрите, — сказал тов. Каганович, — Москва чтобы вас не чувствовала!

— Постараемся.

— А как весной? — спросил опять тов. Каганович. — Не зальет?

— Насосы нужны, — ответил Роттерт.

— Да, насосы нужны. И вобще механизмы нужны... Так строить нельзя, — указал тов. Каганович на рабочих.

В этот же день состоялось совещание о механизации работ.

Таков был первый день Метро.

Помнишь? Мы пили в клубе
    взрывчатое ситро,
Ячейка нас провожала,
    мы шли созидать Метро.
Мы утром спустились под землю,
    чтобы работать в ночи —
Токари и монтеры,
    печатники и ткачи.
Мы отжимали кессоном
    песок забытой реки,
Дрожали от нетерпенья
    отбойные молотки.
Сквозь древнее страшное горе
    наша прошла тропа —
Застенки князей московских,

цепи и черепа,
Здесь мы нашли бесценный
дружбы и счастья клад,
Помнишь первую сбойку,
рукопожатья ребят?

СБОЙКА *)

(По рассказу Хелемского)

ЧТЕЦ. Я хорошо знаю этого парня. Ему 19 лет. Он мой и твой ровесник. Он работает в шахте. Я представляю себе совершенно ясно его веснущатое лицо, его тюбетейку, покрытую слоем известковой пыли. Как его зовут? Настоящее имя его ты можешь найти в московских газетах, в номерах, которые вышли в конце прошлого лета. Условно я назову его — Шурка Довчань. Итак, тебе известны внешность героя и условное его имя. Сейчас ты узнаешь о его настоящих делах, и о делах его товарищей.

ИНЖЕНЕР. Вот, Александр. К сентябрю мы должны сомкнуться с 10-й шахтой и открыть в нижних штольнях сквозной проход от площади Свердлова к Охотному ряду. Подбери сквозную бригаду для этого дела. А это дело не шуточное. Навстречу вам под землей со стороны 10-й шахты идет комсомольская бригада Гумера Хакимова. Это народ здоровый. Пройти вам осталось метров пятьдесят. Если сомкнетесь во время, ты будешь утвержден горным десятником.

ЧТЕЦ. Надо сказать, что стать горным десятником Шурка мечтал уже семь месяцев, то-есть с тех пор, как начал работать на шахте. Был учеником — мечтал. Стал проходчиком — продолжал мечтать. Я должен еще сказать тебе, что в забое, где предстояло работать сквозной бригаде, скопилась вода. Штольню вели под уклон, и сточные воды собирались в ней постепенно. Механический цех два дня возился с установкой водоотлива. Два дня стоял забой и неизвестно было, сколько времени еще будет стоять. А Гумер Хакимов начинал проходку нижней штольни завтра утром.

Клава Ананьева и Сима Аронович работали наверху, у подъемника. Они принимали породу, которую выдавали наверх забои. Но девчата имели свою мечту. Они непременно хотели пойти в забой. Неплохо бы проходчицами. Но, на худой конец, можно стать и на откатку. Но

*) Текст от автора исполняет чтец. В диалоге участвуют женские и и мужские голоса. Чтец не „декламирует“, а взволнованно рассказывает. Диалог как бы врывается в его рассказ, внося другие звучания, превращая рассказ местами—в драматические сцены (Редакция)

только в забой! Клава и Сима стояли у дверей душа, где мылся Шурка.

КЛАВА. Слышь, — выходи скорей, дело есть!..

ЧТЕЦ. Двор шахты был завален породой. Ослепительно сверкал день. Жужжали мухи. По доскам бегали люди. За дверью звенела вода, фыркал Шурка, от напора тудели водопроводные трубы. Довчань был неумолим. У девчат лопалось терпенье.

СИМА. Вот зайду, не посмотрю, какой ты там есть!

ЧТЕЦ. А Шурка вовсе не хотел злить девчат. Он медлил, потому что думал. Он натягивал брюки и думал. Как быть с водоотливом? Что делать? Между тем, у дверей уже толпились и другие ребята. Проходчик Славка Топорков, Илюша Городецкий, китаец Чен. Тут же стоял молодой инженер геодезист Лобода. Инженер волновался. Это он дал направление штолен. Что, если штольни не сойдутся и бригады не встретятся? Нет, этого не может быть! Когда Шурка вышел умытый и причесанный, все заговорили сразу:

СИМА. Хотим в сквозную бригаду!

КЛАВА. В забой хотим.

ШУРКА (вздохнув). Решительный народ мне нужен. Крепкий народ. Я вот думал только что. В забое вода. А водоотлив испорчен и, хоть лопни, не работает. Раз. А Гумер Хакимов завтра начинает проходку. Два. Так вот, придется черпать воду ведрами. Придется поработать день, а то и два, стоя в воде. Дело, безусловно, нелегкое...

ЧТЕЦ. Никто, однако, не отступил. Не отступили и Клава с Симой. Сквозную бригаду разбили на 4 звена, по числу смен. Первое звено спускалось в шахту. Его вел сам бригадир Шурка. По бесчисленным лесенкам, ловко хватаясь за перекладины, спускались ребята. Тянулись сырые стены. Глина и известняк. По стволу грохотал подъемник. Забои выдавали породу. Сверху спускали балки для крепления. Огромные балки с нежными названиями — лонтарины и марчеланы. Дневной свет сменился лампами подходного тоннеля. Бежали к стволу откатчицы. Звено свернуло в свой забой. Шурка вступил в воду, и, взбивая пену резиновыми сапогами, зашагал к стенке забоя. Стоя по колено в воде он врезался отбойным молотком в известняк. За Шуркой шагнули все. Сима и Клава побежали, гремя ведрами. Они стали вычерпывать воду. Шурка, не оборачиваясь, подбадривал ребят: Ничего! Не страшно! Только давайте жизнерадостно. Девочки, девочки! И девушки, впервые пришедшие в забой, бодро расшвыривали воду ногами и даже пробовали петь. В обеденный перерыв Шурка собрал звено в бараке. Ливень кнутами хлестал по окну. Шурка покрутил на пальце тюбетейку.

ШУРКА. Я вот ночь не спал, думал. И вот что придумал. До сих пор мы взрывали породу кому, когда угодно. Теперь организуем дело так. Во время смены намечаем места, не поддающиеся проходке. А в конце

смены закладываем аммонал и все взрываем. Ставим раму. Таким образом полностью подготовляем забой для следующего звена. И так каждая смена.

ЧТЕЦ. Август кончался бурно. Он был непостоянен. Дожди сменились знойными днями. Поникшая было зелень выпрямилась вновь и била напоследок в глаза ярчайшей раскраской. У стены стояли автобусы. Кондукторы и вожатые, отдыхая, ели арбузы. Шурка почти не замечал смен погоды. Он редко выходил из забоя, он не спал по двое суток, работал на всех звеньях сразу, но успевал мечтать и думать. придумывал разнообразнейшие комбинации для того, чтобы облегчить и ускорить проходку. Наступили решающие дни. Инженер Лобода бодрствовал вместе с Довчанем. Он яростно набрасывал на листки цифры и контуры схем, проверял себя. Он кусал ногти, непрестанно курил, зажигал одну папироску о другую. В один из дней Лобода, вычислял что-то в блок-нотике, сказал:

ИНЖЕНЕР. Послезавтра собьемся!

ЧТЕЦ. В двенадцать часов того же дня заступило третье звено. Трещали молотки, падала порода. Городецкий и Топорков работали бурами. Вездесущий Шурка орудовал кайлом. Лобода ходил вокруг да около. У него чесались руки. Он готов был вырвать молоток из рук Илюши. Казалось ему, что недостаточно быстро работают проходчики. А вдруг это «послезавтра» оттянется...

ИНЖЕНЕР. Дай, Илюша, я помогу!

ИЛЮША. Обойдется.

ИНЖЕНЕР. Славка, дай помогу!

СЛАВКА. Сами сделаем, товарищ инженер!

ЧТЕЦ. Лобода хотел сказать еще что-то, вероятно, очень убедительное, но не сказал. Где-то за стеной послышался глухой гул и перестуки. Неужели инженер ошибся? «Послезавтра» наступило сегодня. Значит в вычислениях сделан просчет. Но что значит просчет в несколько метров, когда штольни сошлись точка в точку? И потом, может быть, это не просчет? Может быть, комсомольцы работали быстрее, чем можно было ожидать? **(слышны веселые возгласы, смех).**

ЧТЕЦ. Когда Лобода очнулся от оцепенения, он увидел, что ребята поздравляют друг друга, жмут руки, улыбаются. Сима и Клава смеются заливчато, по-детски **(смех громче).**

ЧТЕЦ. И Лобода тоже засмеялся. Он смеялся так, что больно стало щекам **(общий веселый смех. Пауза).**

ЧТЕЦ. А проходчики еще яростнее ухватились за инструмент. Лобода взял кайло. Никто не возражал. Откатчицы еле успевали убирать породу. У ствола они кому-то сообщили новость, и теперь в забой бежали

люди. Все, кто был свободен, спешили в забой. Проходчиков окружили тесным кольцом. Все завидовали звену, проходящему последний метр.

Китаец Чен от напряжения даже присел на корточки и так следил за лихорадочной работой. Он щелкал пальцами. Шурка, облизывая сухие, запорошенные песком губы, коротко приказал:

ШУРКА. Ставь раму!

ЧТЕЦ. Умолкли буры. Звено ухватилось за бревна. Загремел молоток. И где-то за стеной также мерно застучали. «Гумер тоже крепление ставит», догадался Лобода. Вместо часа на крепление ушло 10 минут. И снова взялись за буры и кайла. Это был стремительный пробег. Именно пробег сквозь породу. Вдруг Шурка размахнулся и кайло как-то особенно мягко вошло в известняк. Шурка бросил кайло и сделал знак парням. Парни схватили бревно, раскачали и ударили им о стену. Порода, шурша, осыпалась и все увидели небольшое отверстие. Сима, Клава, Чен, Лобода — все, кто был в забое, бросились к отверстию. Породу рьяно разбирали с двух сторон. И тут под смех и крики в дыру втиснулось лицо Гумера Хакимова. За его спиной теснилась бригада.

ГОЛОСА. А-а-а!

— Эй, сколько метров дали за последнюю смену?

— Шу-урику — наше!

— Ого-го!

ЧТЕЦ. Гумер восхищенно загоготал. Улыбаясь ослепительными зубами, он оглянул всех и спросил:

ГУМЕР. Ну? Чего глядите?Ха! Здорово Шурочка, как жизнь молодая?

ЧТЕЦ. Бригадиры поплевали на ладони, отнесли их далеко, воскликнули: — Эх! и затем ладонь смачно, с треском обрушилась на ладонь. Великолепна была победа человеческих рук над каменной стихией!

ПЕСНЯ 12 ШАХТЫ МЕТРО

(Исп. хор. Мотив Дальневосточной «Идет страна походкою машинной»).

1. Мы под землей свою проходим школу,
Уже близка сияющая цель.
Придя сюда по зову комсомола,
Мы знаменитый выстроим тоннель.

Припев.

Прошли Неглинку,
Тоннель наш прям,
И путь недлинный,
Остался нам.
В соревнованьи
И я и ты,

В соревнованьи,
Ведем щиты.

2. Нас плывуном теперь не остановишь,
Стучат как сердце наши молотки.
Проходчик первый — Лазарь Каганович,
Ведет свои ударные полки.

Припев

Прошли Неглинку,
Тоннель наш прям,
И путь недлинный,
Остался нам.
В соревнованьи
И я и ты,
В соревнованьи,
Ведем щиты.

Живет Метро упорно и бессонно,
Идут к Дзержинской славные щиты.
Узнали мы, работая в кессонах,
Как стали явью громкие мечты.

Припев

Прошли Неглинку,
Тоннель наш прям,
И путь недлинный,
Остался нам.
В соревнованьи,
И я и ты,
В соревнованьи,
Ведем щиты.

4. Мы все растем, работая и строя,
Сверля земли упрямое нутро.
Здесь каждый должен вырасти в героя,
Чтоб стать нам знатной шахтой на Метр

Припев

Прошли Неглинку,
Тоннель наш прям,
И путь недлинный,
Остался нам.
В соревнованьи,
И я и ты,
В соревнованьи,
Ведем щиты.

СЛУЧАЙ В ШАХТЕ

(Рассказ Жукова)

Ну что ж! Пожалуй, и это было серьезное дело, — подумав, сказал бригадир, — можно и про пожар. Хотя я на самом пожаре не был, — мне уже после, под плывуном пришлось действовать.

И, помедлив минуту, Ребров начал рассказ о том, как 28 сентября 1934 г. он спустился под Театральную площадь и какие события за этим последовали.

Бригадир осторожно карабкался по трубе, стараясь соблюдать равновесие над предательской желтой зыбью плывуна, который заполнил щит и устремился в тоннель.

Где-то наверху нарастала тревога. Приостановилось движение трамваев. Вся Москва говорила о коварном плывуне, который из-под Китайгородской стены ворвался в камеру английского щита.

Удастся ли остановить этот зыбкий поток? Успеет ли бригада поставить перемычки? Ребров спрыгнул в воду вслед за растрепанным, усталым водителем щита, инженером Штерном. Через минуту бригада соорудила перемычки, преграждая путь зыбучему потоку. И вдруг из забоя, где дежурил комсомолец Ратников, раздался резкий крик:

— Вода!

Ребров и Штерн, скользя и падая, рванулись к щиту.

Бригадир с отчаянием швыряет в зияющий перед ним провал одни за другим мешки с песком. Тщетно! Поток все усиливается. Внезапно вода обрушивается сверху и сбоку. Реброва бросило куда-то в щель.

Мерзкая желтая жижа, поднявшаяся на полтора метра, засасывает бригадира, не давая подняться. Поблизости никого. Неужели это конец? Но вот под руками какой-то провод, обломок крепи. Вверх, вверх...

Напрасные усилия! Мощный водяной поток подхватывает бригадира и, перевертывая через голову, швыряет с тележки куда-то вниз, в тоннель, по которому уже струится целая река.

— Перемычку! Немедленно перемычку!

И вот уже вокруг рассвирепевшего мокрого бригадира, который скинул с себя последнюю рубашку, чтобы легче было, вновь собирается вся бригада.

Перемычка была готова через 35 минут. Где-то невдалеке отчаянно фыркали насосы, откачивая воду. Ребров и Штерн, выжимая мокрые спецовки, ползли к забою, откуда все еще слышалось предательское журчание. Штерн покачал головой:

— Воздух! Пора давать воздух — иначе это никогда не кончится...

«Воздух» — это повышенное давление. Работы на щите велись под давлением в две с половиной атмосферы — это давление смиряло плывуны, вгоняя воду обратно в землю. Но в день пожара воздух «стравили», и вот — последствия...

Человек может переносить повышенное давление, лишь постепенно привыкая к нему. Перед тем, как войти в кессон, рабочий проходит через шлюзы, где давление увеличивается постепенно.

Подать воздух в кессон сейчас? А что если плывун прорвется снова? Ведь тогда щит превратится в ловушку!..

Штерн задумался:

— Останешься, бригадир?..

Ребров обиделся:

— Зачем спрашиваете?

Инженер повернулся к бригаде:

— Внимание товарищи! Всем наверх! Остаюсь я и Ребров. Пусть начнут подачу воздуха...

Сколько времени прошло? Минута? Час? Сутки? Вода журчала все также монотонно и зловеще. Говорить не хотелось, сказывалась смертельная усталость.

Но что это? Журчание стало заметно утихать. Ребров спустился к перемычке и спустил воду. На дне обнажился рыхлый рассыпчатый песок. Бригадир пошатнулся, потер рукою лоб, размазывая грязь по лицу, и виновато сказал инженеру.

— Я присяду, товарищ Штерн...

Вдали блеснули огоньки, и и раздался чей-то смех. Широко шагая, к Реброву приблизился человек в широкополой шляпе.

— Что ты, Ребров? Это я, Краевский. Смена пришла...

Бригадир умолк и сконфуженно добавил:

— Ну, вот и все про пожар. То-есть не про пожар, а про плывун. Но я ведь вам говорил, что при самом пожаре мне быть не довелось. Нам только самые концы остались. Так что настоящего геройства у нас не было. А если вы про геройство интересуетесь, потолкуйте, с другими ребятами...

Десять тысяч комсомольцев с московских фабрик и заводов пришли по зову партии на Метро. Молодежь и комсомольцы всегда показывали образцы трудового геройства. На пленуме московского городского комитета ВКП(б) в декабре 1934 г. товарищ Каганович говорил:

«Это коллектив, воспитанный в борьбе за высокие темпы и качество работы, обстрелянный в бою, закаленный, умеющий работать не только обычными методами, но работать как настоящий ударный коллектив социалистической стройки».

Демьян Бедный

ЧЕСТЬ МЕТРОСТРОЕВСКИХ ЗНАМЕН.

Пришел **Герасимов** с Гознака,
Нырнул в подземное нутро,
Его ударная атака
Теперь гремит на все Метро.
Лентяев сразу взяв в блокаду,
Он превратил в конце концов
В краснознаменную бригаду
Своих двенадцать молодцов.
Кто лодырь был? **Кузьмин** и
Ветров?
А нынче парни — ай, да ну!
Не шесть, а двадцать кубометров
Бригада в смену даст в одну!
Бетонщик опытный, **Романов,**
Влюблен в подростков старина:
— Каких рабочих великанов
Родит советская страна!
Вот, чьим геройством подается
Пример для будущих времен,
Вот, кем ударно создается
Честь метростроевских знамен!

Ст. Щипачев.

ГОВОРИТ КОМСОМОЛЕЦ РИВЧУН

Я помню — Баумановский райком,
Взял в работу природу мою, —
И вот я с лопатой,
С отбойным молотком
В мокром забое стою,
И вот я шагаю по штольне длинной,
Белеют крепления по бокам,
И миллионнолетняя юрская глина
Липнет к резиновым моим сапогам.
В моем коричневом
Комсомольском билете

Отмечен датами
Разбег моих дней.
Земля!
Нам хватит с тобой на тысячалетья
Молодости моей.
Недаром ладони и плечи болят,
И гром аммонала в забоях не молкнет.
Ты будешь, древняя наша земля,
Веселою, как комсомолка.
Так партия хочет, и я хочу,
И бьюсь за это до крови, до пота,
Я, бывший беспризорник, комсомолец Ривчун,
Уже научившийся неплохо работать.

Е. Зозуля.

ПОРТРЕТ

Комсомолка. Работница московского метрополитена. Ударница. Гордится своей работой на шахте. Счастлива, что работает на этой интересной трудной и великой стройке. Она гордится костюмом-комбинезоном. Но не ходит по московским улицам намеренно разухабисто, лихо заложив руки в карманы. Она скромна, но костюмом гордится. Ей радостно. Она гордится своей усталостью, когда возвращается с работы, и, свежая, отдохнувшая, радостно спешит на работу утром. Ни на какую работу не променяла бы сейчас работу на метрополитене. Она любит его трудности, сумрак в шахте, кривые ступеньки и доски мостков и переходов, балки и электрические фонари, которые освещают столько молодых сияющих лиц ее подруг и товарищей.

Евгений Долматовский

ЛЕЛЬКА

Шли по колено в черной воде,
Породы вынули сколько!
И вместе с бригадой —
Всегда и везде
Была проходчица Лелька.

Тут
(Это было в начале весны)
Навстречу бригаде пошли плывуны
И, сжатым воздухом заряжен,
На Лельку обрушился гром.
«Доктор сказал:
Мы на кессон
Девушек не берем!»
А Лелька кричит:
«Ставь на бюро,
В газету пиши вопрос,
Я в первую тыщу пришла на Метро,
А мне утирают нос!»
Бригада бушует.
Ребята орут
А Лельку в кессон не берут.
А Лелька приносит свои штаны —
Как молнии прыгают брови.
Нате, кричит, мне не нужны,
Носите сами на здоровье!
Увидел, не веря своим глазам,
Весь комитет комсомола,
Что на носу у Лельки — слеза —
Признак женского пола.
А Лелька к начальнику шахты бежит —
Терпеть — говорит — доколе
Горькую — говорит —
Женскую — говорит —
Долю!?
Начальник видит —
Висит слеза,
Значит — брать на кессон нельзя.
Я бы взял, отвечает, но
Условия там нелегкие.
Девушек брать запрещено —
Не выдержет сердце и легкие.
А Лелька всю шахту взяла за бока —
Разве ее остановишь?
Пойду в МК?
Пойду в ЦК!
Пусть разберет Каганович!
Все по порядку ему доложу,

Как меня из бригады отсеяли.
Что же — скажу
Делать — скажу
Лазарь — скажу
Моисеевич!
Приходит в МК,
Часовые кричат:
Сил наших больше нету!
Как нам сдержать неизвестных девчат,
Не имеющих партбилетов?
Сегодня пятнадцатая прибежала,
Устроив рукопашный бой.
Жалуются. Говорят обижают
И неохотно берут в забой.
А ты захотела
Дойти до кессона,
Ну, это, наверное для фасона.
Занят работой огромный дом,
Одетый в суровый камень,
И ундервуды стучат крутом
Отбойными молотками.
И Лелька вернулась.
Глаза страшны.
Еще устроила сцену,
И в шахту спустилась,
Надев штаны,
Когда наступила смена.

РАЗГОВОР В ЭФИРЕ

ПЕРВЫЙ ГОЛОС. Слушайте, слушайте. Говорит остров Диксон. Говорят зимовщики острова Диксона.

ВТОРОЙ ГОЛОС. Слушайте ,слушайте. Говорит Москва. Привет зимовщикам острова Диксон. Передаем последнюю новость — по всей трассе московского метрополитена от Сокольников до Крымской площади и от Сокольников до Смоленской площади — прошел первый поезд.

ПЕРВЫЙ ГОЛОС. У микрофона начальник острова Диксон Светаков. Пуск поезда — большая радость. Мы об этом не знали.

ВТОРОЙ ГОЛОС. Сегодня в поезде Метро проехали делегаты VII Всесоюзного Съезда Советов.

ПЕРВЫЙ ГОЛОС. Наша радиостанция распространит весть об этом по всем зимовкам, вплоть до острова Врангеля. Мы просим передать героическим строителям метрополитена, превращающим Москву в образцовую столицу, наше восхищение их замечательной работой. Передайте, что мы на далеком Севере будем бороться за освоение Арктики с такой же энергией, как они боролись за метрополитен.

ВТОРОЙ ГОЛОС. Остров Диксон! Остров Диксон! Слушайте! Мы, работники шахты № 12 московского Метро, перед спуском в шахту для окончательной отделки пути, с огромным вниманием прослушали разговор с зимовщиками острова Диксон. Все шахтеры были глубоко взволнованы, услышав голос из Арктики, и просят редакцию «Последних известий по радио» передать всем зимовщикам горячий привет от шахтеров московского Метро.

ВОЗДУХ МЕТРО

(Рассказ Паустовского)

Пожилой ученый работал всю ночь. Только на рассвете он захлопнул пожелтевшие книги и постучал в стену соседу. Сосед-писатель тоже не спал. Он писал книгу о своем времени, рвал написанное и жаловался, что ничего не выходит. Ему казалось, что он потерял чувство времени. Ученый удивлялся. Он был уверен, что каждый день, если уметь видеть и обобщать, говорит о новизне эпохи.

— Вы попросту устали — говорил ученый. — Когда я очень устаю, я еду в Метро первым поездом, на рассвете.

Сегодня они сговорились ехать вместе.

Туманные огни плыли и преломлялись в глубине мраморных стен. Камень жил, — в нем открывались целые миры тихого блеска и неуловимых узоров, напоминающих морозные узоры на стеклах.

Белизна стен казалась снежной, и удивительный воздух ровной струей шел из тоннелей и как будто усиливал свет ламп, — так он был чист и свеж.

— Можно подумать, что рядом море, — сказал писатель и улыбнулся. В ответ ему улыбнулась девушка, сидевшая в нише у мраморного пилона. Она была в синем лыжном костюме. Лампочки, как пушистые солнца, отражались в изгибах ее натертых до блеска лыж и в ее веселых глазах.

Девушка казалась очень маленькой среди мощных архитектурных линий Метро, — высоких сводов, пилонов и стремительных, плавно уходящих вдаль тоннелей.

— Начинается, — сказал ворчливо ученый. — Еще не было случая, чтобы я не застал здесь девушек, которые ждут юношей, и юношей, поджидающих девушек.

— Им и карты в руки, — сказал писатель. — Ведь они строили Метро.

— Я понимаю, — сердито ответил ученый. — Я понимаю, но все-таки каждый раз им завидую. Зависть—низменное чувство, но в данном случае я его не стыжусь.

Бесшумно подошел поезд, похожий на торпеду из стекла, кожи и полированного дерева. Пассажиров почти не было; над головой нависала спящая Москва, затянутая зимним угрюмым дымом.

Против ученого и писателя села девушка с лыжами. Юноши не было, и это развеселило старика. Он говорил с писателем, но одобрительно поглядывал через очки на девушку, слушавшую его чуть приоткрыв рот.

— Недавно я перечитывал один исторический роман, — сказал писатель.—Мне запомнилась почему-то фраза: «мужик лениво выкапывал пешней замерзший труп стрельца». И мне показалось, что это происходило где-то на берегах Неглинки.

— Вот именно, — согласился ученый. — Итория Неглинки — это история замечательная. Была грязная река, заросшая по берегам вербами. Текла она через деревянную и безалаберную Москву. В ней мочили кожи, купались, по ней плавали гуси и утки. В теперешнем Александровском саду стояла мельница, а в омуте около нее бездельные московские людишки удили окуней. Екатерина хотела устроить на Неглинке у Кузнецкого моста водопад и поставить над ним свою статую, но из этого ничего не вышло. По зимам на льду Неглинки бывали жестокие кулачные бои. Школяры греко-славянской академии сворачивали свинчатками хрящи студентам. В дненадцатом году наполеоновская гвардия мыла в Неглинке сапоги. В двадцатых годах прошлого века Неглинку загнали в подземную трубу. А сейчас мы едем под Неглинкой в этом блестящем вагоне.

— А нам, — неожиданно сказала девушка и смутилась, — из-за этой Неглинки пришлось очень трудно. Здесь плывуны. Постоянно прорывалась вода, крепления трещали, как спички, перемычки сносило одним ударом. Бывало, работали по горло в воде. Боялись мы этой Неглинки, но ничего, одолели.

— Вот видите, — укоризненно сказал ученый писателю, — вот видите, вы, слепой человек.

— Что я должен видеть?

Ученый пожал плечами:

— Да посмотрите вы на нее, наконец!

Писатель взглянул на девушку. Она засмеялась. Он засмеялся в ответ, и неожиданно ощутил радость от стремительного хода поезда, льющейся за окнами реки огней, тихого гула колес.

На Крымской площади они вышли. Серебряный свет снегов стоял над Парком культуры и отдыха. Кое-где еще горели прозрачные, острые огни.

Девушка побежала по реке на лыжах. Лыжи шуршали и звенели по насту. Девушка оглянулась и помахала на прощанье рукой.

ПОЕДЕМ, ПОЕДЕМ!
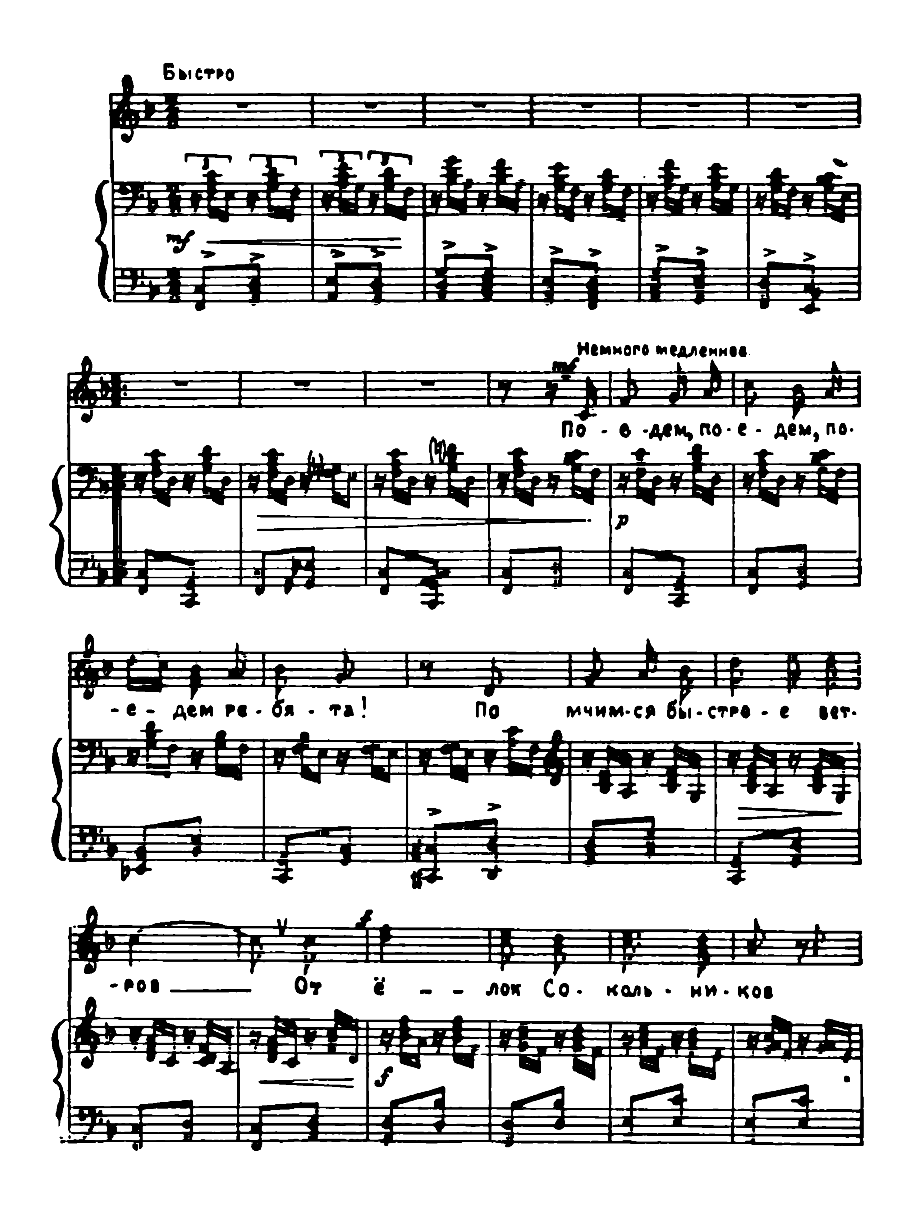
(Песня Метро)

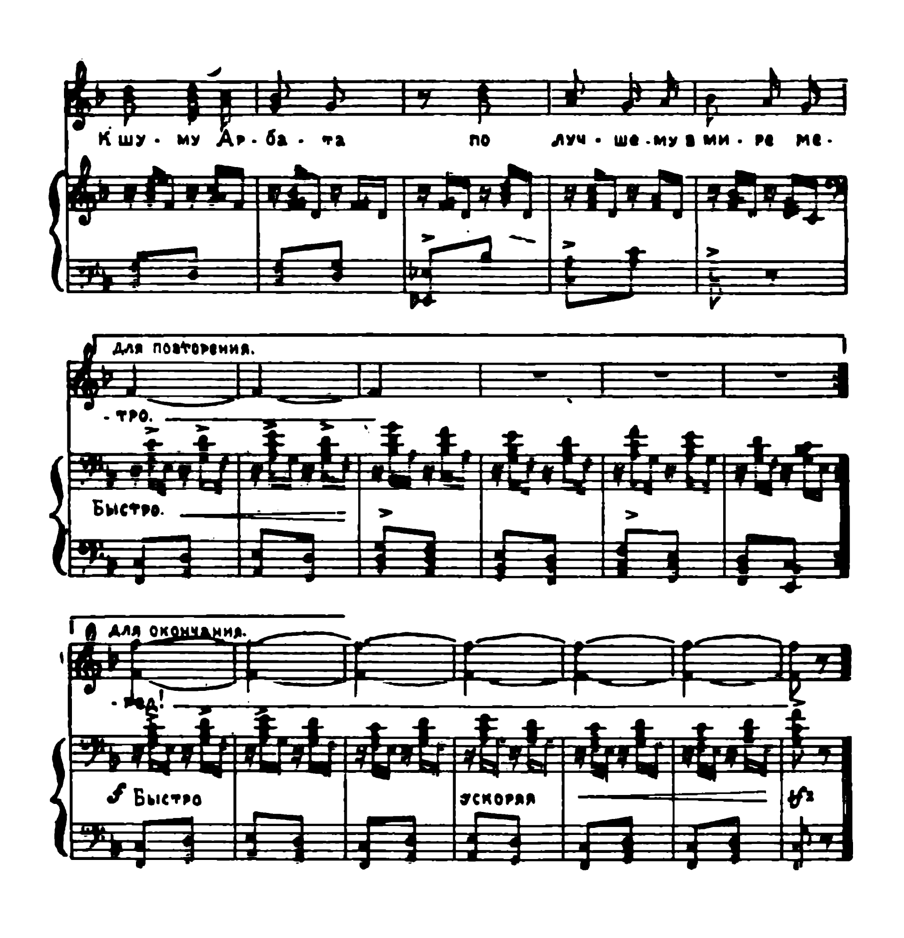
1. Поедем, поедем,
Поедем, ребята,
Помчимся быстрее ветров.
От елок Сокольников
К шуму Арбата
По лучшему в мире Метро.

2. Мы вместе с тобою
Мечтали в забое
О том, как сквозь толщи пород,
Окрашенный в синее
И голубое,
Стремительный поезд пойдет.

3. Что было мечтами —
Построено нами.
Вот стройный, красивый тоннель.
Моими руками,
Твоими руками
Достигнута славная цель.

4. Товарищ любимый,
Поедем, поедем,
Ты слышишь, как поезд идет?
Вперед, метростроевцы,
К новым победам,
Счастливые люди, вперед!

Быстро
Немного медленнее
По - е - дем, по - е - дем, по - е - дем ре - бя - та! По мчим-ся бы-стре - е вет - ров От ё - - лок Со - коль - ни - ков

К шу - му Ар - ба - та
по
луч - ше - му в ми - ре ме -
для повторения.
- тро.
Быстро.
для окончания.
- под!
Быстро
ускоряя